

Хукм ("суждение") – наряду с понятиями "действие" (*фи'л*) и "намерение" (*ниййа*), одна из основных категорий *мусульманской этики*. Подобно понятиям "действие" и "намерение", *хукм* не является специфически этической категорией. Напротив, это понятие используется в арабо-мусульманской науке чрезвычайно широко: в филологии, правоведении, логике, других теоретических и философских дисциплинах. В мусульманском праве словом "*хукм*" обозначается любая конкретная правовая норма, устанавливаемая относительно вещи или действия (доли наследования, правильность контрактов, т.п.), а также квалификация поступка в соответствии с системой "пяти категорий" (ал-ахкām ал-хамса). В философии термином "*хукм*" обозначается вывод ("суждение") силлогизма, а также, в расширительном плане, квалификация вещи, устанавливаемая на основе тех или иных ее свойств. Напр., термин может использоваться при обсуждении того, как именно оценивается поступок человека: как продукт его свободного выбора или результат божественного вмешательства; и то и другое решение указывается как *хукм* (оценка, квалификация) поступка. Что касается этической теории, то можно сказать, что с т.з. содержания, она представляет собой вынесение тех или иных суждений о смысловых комплексах "намерение – поступок" (см. *Фи'л*, *Ниййа*). Суждением в этике оказывается определенная квалификация, к-рая выносится поступку на основе его соотношения с намерением.

Система суждений, к-рыми оперирует этическая теория, тесно связана от той, что используется в фикхе (правоведении), и может быть рассмотрена как ее модификация. Вместе с тем существенным отличием системы этических суждений от религиозно-правовых является отсутствие области безразличных (*мубāх*) поступков: этическое суждение отличается тотальностью, и этическая мотивация охватывает существенно бóльшую сферу человеческого поведения, нежели религиозно-правовая.

Фикх оперирует пятичленной системой суждений (*ахкām*). Поступки делятся на: а) обязательные (*Вādжиб*), б) рекомендуемые (*мандūб*), в) безразличные, г) нерекомендуемые (*макрūх*), д) непозволительные (*харām*). Эта классификация соотносится, с одной стороны, с приказанием ('амр) и запретом (нахй), а с другой, с вопросом о загробном воздаянии (*джазā'*), будь то награда (*савāб*) или *наказание* ('иқāб). Приказание и запрет выражают волю Законодателя, т.е. самого Бога; в других случаях источником для определения приказаний и запретов служат предания о словах и делах Мухаммеда (*хадисы*). Комбинация этих двух сторон – предписанности/запрещенности и воздаяния – и определяет суждение, соотносимое с тем или иным поступком. Обязательными являются поступки, к-рые предписаны Законодателем и выполнение к-рых вознаграждается, а невыполнение карается. Непозволительными являются поступки, к-рые запрещены Законодателем, несовершенство к-рых награждается, а совершение наказывается. Рекомендуемыми являются предписанные действия, неисполнение к-рых не наказывается, но совершение к-рых вознаграждается. Нерекомендуемыми являются те, совершение к-рых не наказывается, но воздержание от к-рых вознаграждается.

Эта сложная система квалификаций возникла исторически, в ходе анализа основополагающих религиозно-правовых текстов — Корана и сунны. Введение категорий рекомендуемых и нерекомендуемых поступков в значительной степени

согласовывалось с необходимостью истолкования некатегорических запретов и рекомендаций, содержащихся в этих текстах. Вместе с тем система пяти категорий, как она существует в фикхе, свидетельствует о том, что исламская культура не ощущала необходимости в формировании такой системы классификации поступков, к-рая была бы построена на строгой дихотомизации понятий добра и зла. В том виде, в каком она реально существовала в исламской культуре, религиозно-правовая мысль (фикх) как будто сливается в единой системе категорий то, что в европейской культуре было исторически разделяемо между двумя существенно различными сферами права и религиозной морали. Сфера *права* построена там на идее необходимости торжества *справедливости*, в конечном счете восходящей к идее *блага*, и предполагает безусловное разделение соответствующего и несоответствующего идее справедливости. В принципе право предполагает, что несоответствующее идее справедливости подлежит наказанию или во всяком случае ограничению. Сфера религиозной (христианской) морали задает иную систему смысловых координат, предлагая идею *добра* как ориентир-максимум, всякое приближение к к-рому похвально, хотя не-приближение может и не быть религиозно порицаемо, и порождая целую систему институтов, представлений и практик, ориентированных на стимулирование достижения такого максимума: для верующего моральный идеал святого, страстотерпца, мученика (и в бесконечной перспективе — самого Христа) задает критерий этической оценки, согласно к-рому поступок, не являющийся добрым, не обязательно оказывается тем самым злым и подлежащим наказанию.

Внешне система четырех стимулирующих-запрещающих категорий, используемая фикхом, выглядит так, как если бы она объединяла то, что в европейской культуре разделено между двумя сферами. Но нельзя не заметить, что такое представление оказывается чисто внешним. Систему права и религиозной морали вряд ли можно объединить, не отказываясь от основополагающих для той и другой категорий. Но дело именно в том, что для мусульманской религиозно-правовой мысли высшей регулятивной идеей служит не понятие блага, или добра (как то может быть замечено в европейской культуре), а степень предписанности-запрещенности того или иного поступка. Хотя внешне система категорий, используемая религиозно-правовой мыслью ислама, напоминает те или иные правовые и религиозно-этические установления европейской культуры, по существу между ними существует серьезное расхождение.

Что касается безразличных поступков, то к ним относятся такие, совершение или несвершение к-рых не нарушает волю Законодателя. Это именно та область, к-рая не попадает в поле зрения религиозно-правовой мысли и не подлежит непосредственному религиозно-правовому регулированию.

Однако такие поступки могут подлежать нравственной оценке. Система этических категорий проще той, что используется в фикхе. Этические рассуждения оперируют, как правило, двумя категориями: поступок может быть оценен как "хороший" (*хасан*) или "дурной" (*кабийх*). Эти оценки отталкиваются от идеи похвальности или порицаемости поступков. При этом, как правило, имеется в виду соотносительная, а не абсолютная, трактовка понятий "хорошее" и "дурное"; мутазилиты пытались, впрочем, без особого успеха, предложить абсолютную их трактовку (см. *Калām*). То, с чем соотносится поступок, дабы быть оцененным как "хороший" или "дурной", оказывается либо приказание и запрет как таковые, либо система пяти категорий, используемая в фикхе. Поскольку оценка "хороший-плохой"

бинарна, а пятеричная система категорий принципиально недихотомична, определение поступка как хорошего или плохого через соотнесение с пятью суждениями фикха оказывается практически всегда парадоксальным. Если считать хорошим все то, что “в чем нет изъяна”, то к хорошему должны быть отнесены и nereкомендуемые поступки, поскольку они не содержат в себе изъян, раз их совершение не влечет наказания. Если считать плохим все то, что не приносит награды или пользы, то плохими должны быть объявлены и все безразличные поступки. Явная абсурдность таких результатов заставляла искать другие способы определения понятий “хорошее–плохое”. Поиск шел также в направлении соотносительного определения. Было предложено считать хорошими такие поступки, совершение к-рых предпочтительно (*авлā*), нежели неделание, а плохими те, неделание к-рых предпочтительнее совершения; правда, эта классификация была дополнена третьим элементом, обязательными поступками, ради сохранения императивности ряда предписаний, к-рые не могут быть поняты соотносительно. Эта классификация оказывается как бы распространением понятий “рекомендованное–nereкомендованное” на все поступки, кроме обязательных, причем непонятной остается судьба категорических запретов, комплементарных категорическим императивам.

Литература:

Ат-Тахāнавī. Кашшāф иҗтилāхāt ал-фунūн. Т.1-2, Истамбул, W.N.Lees; Press, 1984
Ибн ат-Ғаййиб. ал-Му‘тамад фī ’уҗūл ал-фиқх. Т. 2. Дамаск: 1965